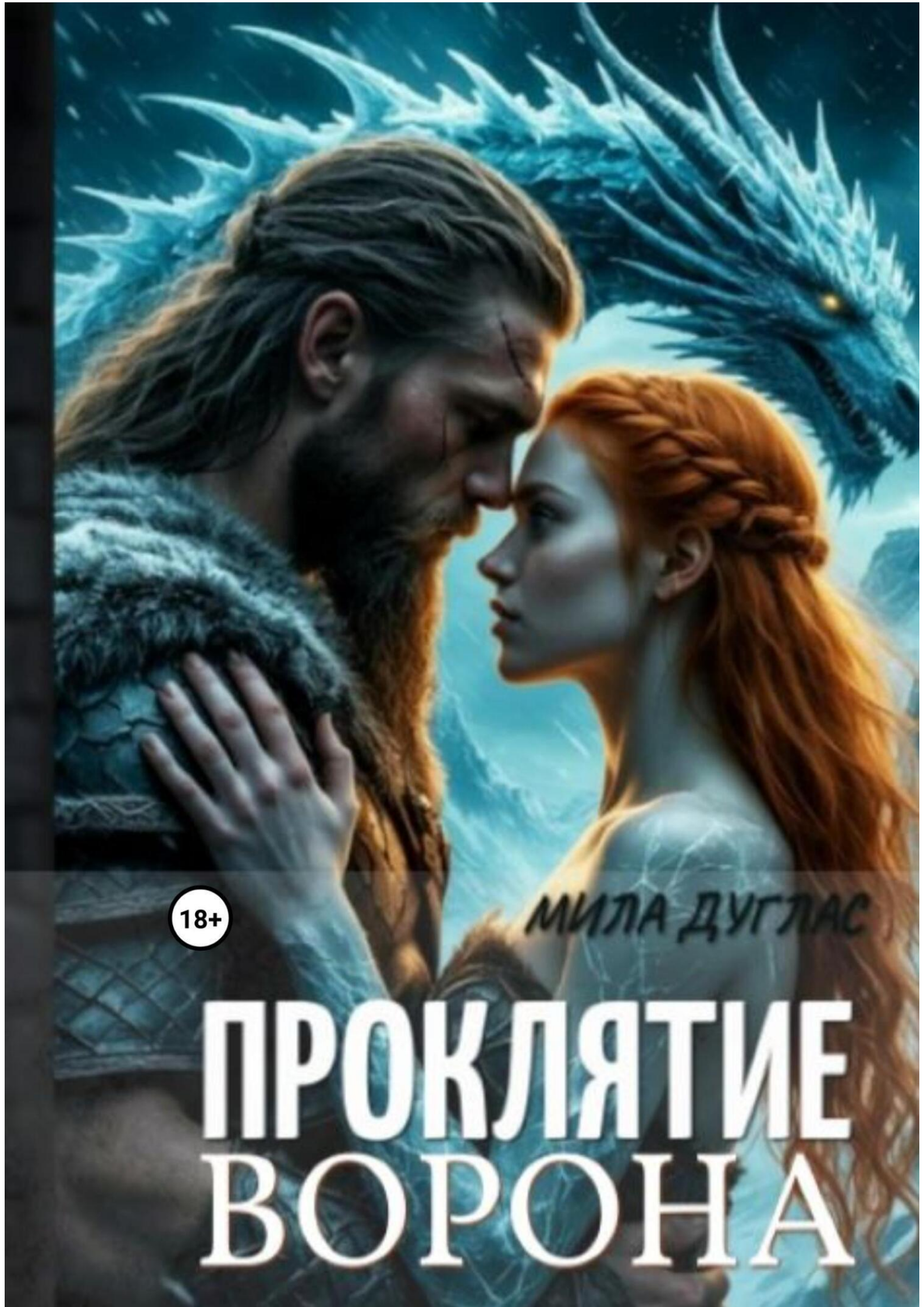

18+

МИЛА ДУГЛАС

ПРОКЛЯТИЕ ВОРОНА

Мила Дуглас

Проклятие Ворона

«Автор»

2025

Дуглас М.

Проклятие Ворона / М. Дуглас — «Автор», 2025

Ледяной остров, сжимающийся в тисках древнего проклятия. Воин-изгой Гейр, чья душа скована вечной стужей, и Заряна — девушка с даром исцеляющего света, похищенная им как «ключ» к спасению. Их встреча — искра во тьме: он видит в ней лишь оружие, она ненавидит его как похитителя. Но по мере приближения рокового ритуала границы между палачом и жертвой рушатся. Свет Заряны жжёт лёд в жилах Гейра, а его холодная тень становится её невольным щитом. Вместе они бредут по краю пропасти, где каждый шаг грозит предательством, а доверие стоит дороже жизни. Спасёт ли их союз остров от тени Хель или станет искрой, что погребёт всех под вечным льдом? Книга о цене спасения, силе выбора и том, как в сердце тьмы может родиться неожиданный свет.

© Дуглас М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мила Дуглас

Проклятие Ворона

Пролог

ДИСКЛЕЙМЕР

Данное произведение содержит контент, предназначенный исключительно для взрослой аудитории (18+).

Читателя ожидают сцены жестокого насилия, откровенные описания крови и ран, психологическое напряжение и депрессивные темы. В этом мире обитают чудовища, чья истинная сущность может скрываться за обманчивой улыбкой и благими намерениями. Здесь тьма – не просто отсутствие света, а источник могущества, искушения и откровений.

Продолжая, вы подтверждаете свой возраст и готовность столкнуться с этим мраком.

Треск дров в огромном каменном очаге был единственным звуком, нарушающим тишину большой гостиной. Пламя отбрасывало танцующие тени на стены, украшенные старыми коврами и охотничьими трофеями. На мягких шкурах и грубых скамьях расположилась семья Вальхёерр. В центре, в низком кресле, похожем на трон, сидела старая Биргитта, бабушка. Ее седые волосы, заплетенные в сложную косу, мерцали в свете огня, а мудрые глаза, цвета весенней листвы, казалось, видели сквозь века. Вокруг нее, поджав ноги, затаив дыхание, сидели внуки.

Рыжеволосая Фрейя с темно-карими глазами примостилась у самых бабушкиных колен. Рядом – ее сестра Лив, с темными, как вороново крыло, волосами и глазами, зелеными, как весенний мох. Мальчишки, близнецы Орм и Торгейр, не могли усидеть спокойно. Орм, чья шевелюра отливала темной медью, а глаза – холодной изумрудной зеленью, переминался с ноги на ногу. Его брат Торгейр, с иссиня-черными волосами и темно-карими, почти черными глазами, наблюдательными как у ворона, старался казаться невозмутимым, но его напряженная поза выдавала интерес.

– Ну что, мои птенцы? – голос Биргитты, низкий и чуть хриловатый, как шум прибоя о камни, заполнил комнату. – Пора вам услышать историю. Нашу историю. Историю крови и камня, гордыни и льда. Историю нашего острова и нашего рода.

Она поправила плед на коленях и начала, и ее слова, словно дым от очага, закружились в воздухе, рисуя картины давно минувших дней:

– Веками остров Вальхёерр поднимался из седых вод, словно зуб дракона, обточенный штормами. Сильный, гордый, неприступный. И род наш, Вальхёерры, пришедший с материка на заре времен, правил им. Как? С железной волей и холодной яростью в сердце!

Биргитта ударила костяшками пальцев по подлокотнику.

– Сильны были, как сам прилив, что бьется о скалы! Непреклонны, как утесы, на которых стояла их твердыня! Стены крепостей – ярлы возводили! Моря – их драккары бороздили! Слава их – дальше крика чаек летела!

– Как драккары деда в бухте? – прошептал Орм, его зеленые глаза вспыхнули.

– Побольше тех, Орм, побольше и страшнее, – усмехнулась бабушка.

– Но слушайте дальше. Гордыня, детки мои... Гордыня – она как змея коварная. Ползет тихо-тихо, обвивает сердце незаметно, да так, что и не почувствуешь, пока не задушит. И в дни ярла Эйрика Железобрового, предка нашего, случилось непростительное. То ли клятву, дан-

ную древним духам скал, нарушили? – Биргитта покачала головой. – То ли святилище осквернили, то место, где свет солнца сливался с тьмой подземной, с дыханием самого Нидхёгга?

– Нидхёгга? – переспросила Лив, ее зеленые глаза расширились. – Того дракона, что грызет корни Мирового Древа?

– Его самого, детка, – кивнула бабушка. – То ли предали доверие тех, кто жил на острове до нас первых, чьи кости... чьи кости и стали его камнями?

Она замолчала, дав тяжелым мыслям осесть.

– Точная вина – песчинкой времени стерлась. Но суть-то жива: Вальхёрры возомнили себя богами! Над островом, над самой его душой!

– Неужели... это было здесь? На нашем острове? – ахнула Фрейя, ее карие глаза впились в бабушку. – Мы же тоже Вальхёрры!

– Да, милая моя, – голос Биргитты стал тише и мрачнее. – Мы – плоть от плоти их. И остров... остров не простил. Ответил. Но не яростью вулкана, нет. Леденящим... леденящим вздохом отвержения. Из самого сердца земли нашей, из трещин в древних скрижалях, просочился Сумрак.

Торгейр нахмурился, его темные глаза стали еще глубже.

– Сумрак? Просто темнота?

– Не просто тьма, мой мальчик! – Биргитта резко подняла руку. – Холодная пустота! Эхо всех страданий, что отвергла сама жизнь! Он вытягивал тепло из очагов... силу – из пашен... радость – из сердец! Люди слабели, как тростинки на ветру. Детки рождались... бледными тенями, едва шевелящимися. Старики уходили в землю с криком... криком неотпущенной души!

Голос ее дрогнул.

– А потом... потом они стали возвращаться. Воины рода Вальхёрров. Но не живые...

– Драугры! – выдохнул Орм, бледнея. – Папа говорил!

– Драугры, – подтвердила бабушка мрачно. – Искажённые тени былой силы и славы. Хрипящие одной лишь болью да голодом... голодом к теплу живых. И стал остров не домом, а тюрьмой. Тюрьмой для своих же детей. Проклятие Вальхёрров – вот имя этому ужасу! Кровь наша, гордыня наша – вот корни Сумрака! Сумрака, что звался черной сутью самого Нидхёгга, грызущего корни Иггдрасиля! Того самого, что грозит мраком и вечным льдом всему Мидгарду, миру людей! Сила, что дала нам власть, обернулась ядом. Ядом, отравляющим все, к чему прикасалась наша кровь. Оно мучило медленно... неотвратимо... превращая жизнь в сплошное ожидание кошмара.

Тишина в комнате стала густой, осязаемой. Даже треск огня казался приглушенным. Лив обхватила себя за плечи.

– Бабушка... а как... как его сняли? Проклятие?

Бабушка Биргитта замолчала, глядя в потрескивающие угли, словно ища в них ответ. Голос ее стал глубже, проникновеннее, полным древней силы и печали:

– Проклятие требовало платы. Не золота, не крови скота. Чего-то большего. Человеческого. Чистого. Такого, что могло бы на миг... на миг заткнуть бездонную пасть Сумрака... или... или разжечь его до пламени, все пожирающего. Века искали выход, детки. Искали отчаянно. И говорят... – она понизила голос до шепота, заставляя внуков придвинуться еще ближе, едва не касаясь ее колен, – говорят, однажды явился знак. Ворон, черный как сама ночь, сильный и яростный. И голубка, чистая как первый снег, но с пламенем солнца внутри. Ворону была дана задача нелегкая – найти ту самую, единственную голубку не здесь, а далеко-далеко, за бурными морями, за лесами, что касаются неба. Только связь их могла что-то изменить. И нашел он ее, ворон-скиталец. Нашел!

Бабушка замолчала, и в наступившей тишине было слышно, как завывает ветер в трубе. Глаза ее стали бездонными.

– Но ох, как нелегко им пришлось, мои птенцы! Не сразу и не просто сошлись пути их. Все было между ними! – Она резко сжала кулак на колене. – И жгучая ненависть, будто ледяные иглы вонзились в сердце ворона при виде ее чистого света. И любовь... Любовь неожиданная, могучая, что топит вековые льды в груди и заставляет крылья биться, даже через боль. Свет голубки жег ворона, как раскаленное железо, оставляя невидимые шрамы в его тьме. А его холод и вековая тоска проникали в самое сердце голубки, сковывая ледяными кольцами. Больно им было друг от друга... невыносимо. Но и врозь – хуже смерти, будто часть себя теряли!

Фрейя ахнула, прижав руку к груди. Орм замер, широко раскрыв изумрудные глаза. Лив и Торгейр слушали, не дыша.

– Они боролись, – продолжала Биргитта, и в ее голосе зазвучал гул битвы. – Боролись с ненавистью, холодом и болью, что их связывала и раздирала. Как лед весной трещит и ломается под солнцем, так и стена между ними рушилась под напором той странной любви. Их связь... их мучительная, неразрывная связь стала мостом. Мостом через бездну Сумрака. Не ключом одним, а... светом, который соединил их вместе! Пламенем, что растопляет мертвый холод, и льдом, что укрощает всепожирающий огонь отчаяния. Смогли ли они выстоять? Погасили ли Сумрак совсем?

Бабушка покачала головой, и в уголках ее глаз блеснула влага, отраженная огнем.

– Не знаю, милые мои. Легенда стара, конец ее затянут временем, как наши горы туманом. Может, они стали вечной парой, обреченной гореть и замерзать, но держать Сумрак в узде? Века прошли, а остров... здоров. Но в черных водах фьордов еще шепчутся волны о проклятых Вальхёррах, их долге... и о вороне с голубкой, чья любовь заставила дрогнуть вечный лед. Ответы все погребены во мраке. И лишь отчаянная надежда... или безумная гордыня... могут попытаться их отыскать. Но теперь... теперь мы знаем, что даже самая жгучая боль может стать началом пути.

– Я буду вороном! Самый черный! И найду свою голубку! Первым вскочил Орм, его медные волосы вспыхнули.

– А я – голубка! Чистая, с огнем! – закричала Фрейя, закружившись. – Лети ко мне, Ворон! Но... ой, как холодно! Он раскинул руки-крылья, изображая боль: – Ай! Горю!

– А я – другая голубка! Белая! И меня тоже надо найти! – запела Лив, пытаясь вовлечь братьев в игру. Она притворно сжалась. – И я вороном! Буду херсиром, как папа, дружину вести за собой! – Торгейр метнулся к Фрейе, изображая борьбу.

Комната снова наполнилась криками:

– Каррр! Жжет!

– Гууу-уу! Холодно!

– Лети за мной, голубка, даже если больно!

– Ненавижу тебя, чернокрылый.

Они сталкивались, отталкивались, смеялись и снова тянулись друг к другу, разыгрывая сложный танец притяжения и отторжения легендарных птиц.

– Ну все! Ти-и-и-ихо! – ее голос прозвучал с железной властью. Бабушка смотрела на них. В ее глазах, поверх привычной грусти ушедших дней, мелькнул новый отблеск – надежды и веры в свой род. Внезапно она хлопнула в ладоши – резко, как удар топора по щиту.

Дети замерли, обернувшись. Биргитта подняла палец, ее взгляд стал острым и предостерегающим.

– Играть в воронов и голубок – дело важное. Но сейчас – баю-бай! Огонь угли съел, ночь чернее крыла ворона. А если вы так кричите о любви да ненависти... – Она наклонилась вперед, понизив голос до леденящего шепота, – Тролли услышат. Они обожают сильные чувства. Особенно те, что рвут душу. Услышат... и придут. Прямо из-под камней очага, по теням... тихо-тихо...

Орм и Торгейр невольно отпрыгнули от камина. Лив схватила сестру за руку. Даже отважная Фрейя притихла, чувствуя, как по спине пробежал холодок не от игры. Бабушка кивнула, тень легкой усмешки тронула ее губы.

– Так что – марш по кроватям, мама будет с вами еще строже, чем тролли! Давайте, детки, быстрее ветра! И ни звука! Чтобы ни один йотун-ходун не учуял ваши горячие сердечки!

Дети, не смея перечить, лишь переглянулись – взглядами, полными и остатков игры, и нового понимания услышанного – и, стараясь ступать бесшумно, поспешили к дверям детской. Их шаги затихли. Биргитта осталась одна. Она откинулась на спинку кресла, глядя на багровые тлеющие искры. Шепотом, будто обращаясь к теням на стенах, она добавила:

– Найдут ли они своих голубок и воронов, когда вырастут? И выдержат ли огонь и лед жизни?

И в тишине, нарушаемой лишь шипением углей, завывание ветра в трубе звучало то ли как крик далекой чайки, то ли как эхо древнего вороньего карканья над ледяными водами Вальхёрров.

Глава 1

Деревня близ Ладого, затерянная в бескрайних лесах озерного края, купалась в золоте заката. Воздух был густ и сладок: дымок от глинобитных печей смешивался с ароматом свежее испеченного ржаного хлеба и терпким духом сушеного зверобоя да чабреца, развешанного под стрехой. У колодца, обвитого резными коньками, стояла рыжеволосая девушка Заряна. Вечерняя прохлада ласкала кожу, но ее была мелкая дрожь – не от холода. Вода в ведре колыхалась, отражая багрянец неба и могучие силуэты вековых елей-стражей на опушке. Их ветви шептали на ветру древние песни, но Заряне слышался в них лишь неясный зов, тоска по чему-то огромному, неведомому, что лежало за кромкой леса, там, где солнце садилось за горизонт. Она чувствовала себя перелетной птицей в клетке, сердце ныло странной тревогой.

Пальцы невольно коснулись венчика скромного полевого василька, росшего у сруба. Цветок тут же потянулся к ее ладони, будто к солнцу, его синева заиграла ярче. Из-за плетня донеслось тревожное ржание – Клюся, старая кобыла деда, всегда нервничала перед грозой. Заряна мягко цокнула языком, шагнула к забору. Едва ее ладонь легла на взмыленную шею животного, дрожь утихла, темные глаза увлажнились покоем. Дар. Тихий, теплый свет жизни, струящийся от нее ко всему живому. Ее бабка-знахарка сулила великое, но в деревне дар всегда был лишь поводом для шепота да пытливых взглядов.

Иссиня-черное перо, холоднее ночного камня, не дрогнуло на ветке. Ворон. Не просто птица – сгусток теней, вырезанный из самой сердцевины вечной зимы. Под когтями, крепкими как старые корни, мох побелел, скованный игольчатым инеем. Из-за густых ветвей елей, что дышали предгрозовой сыростью, пара обсидиановых бусин уставилась на золото у колодца. Цель. Нашел.

Она стояла там. Рыжий вихрь волос – пламя, брошенное назло угасающему багрянцу заката. Силуэт, нежный и... теплый. Невыносимо теплый. Гейр Вальхёерр, скованный проклятием Хель, ощутил это тепло как удар кинжала под ледяную броню. Не сильная боль. Глухое, назойливое жжение. Оно пробиравлось сквозь перья, сквозь морозную плоть ворона, добиралось до окаменевшего ядра внутри. Что-то дрогнуло там, в вечной мерзлоте, – ничтожная, готовая испариться капля влаги. Перья на загривке непроизвольно взъерошились. Дискомфорт. Чистый свет ее дара бился о его тьму, как волна о скалу.

Фитиль для темного пламени его отчаяния. Его спасения.

Он видел все. Как цветок тянулся к ее ноге – глупый, обреченный порыв жизни. Как нервная кобыла у забора утихла под ее ладонью – сила, текущая из нее рекой, которой она не владела. Не доброта. Ресурс. Неиссякаемый источник чистого света, необходимый, чтобы зажечь древние руны, унять безумие острова, бросить вызов самой Хель. Идеальный инструмент. Ее незащищенность резала взгляд – тонкая шея, открытые предплечья, безоружность. Чистая добыча в непроглядном тумане.

В глубине черных глаз, где клубились тени проклятых душ, что он нес в себе, что-то шевельнулось, зашевелилось. Призраки застонали от близости чистоты, от этого ненавистного тепла. Тяжесть внутри, в проклятом сердце, стала ощутимее, контрастируя с ее легкостью. Она заплатит. Мысль промелькнула, холодная и ясная, как осколок льда. Ее свет... он будет гореть ярко, выжигая скверну. И сгорит дотла. Необходимая цена. Его цена за свободу острова.

Холодный сосредоточенный взгляд хищника. Веснушки на нежной коже – будто искры от ее внутреннего пламени. Изгиб губ, линию бедра под простым холщовым платьем. Привлекательность была частью ее сияния, частью ее совершенства. Это делало ее ценной. Уязвимой. Его. Ни тени жалости. Только желание забрать, присвоить, владеть.

Нашел. Действовать. Похищение было неизбежно, как смена приливов. Ее судьба – сгореть в пламени их искупления. Остров будет свободен. Эта мысль, твердая и холодная, как

лезвие его секиры, сомкнулась в душе, вытесняя мимолетный дискомфорт от ее света. Он сконцентрировался, воронья тень сливалась с лесным мраком, взгляд прикован к золотистому силуэту у колодца. Он буквально впился в нее, неся с собой немую весть о приближающейся перемене в ее судьбе.

Она зачерпнула воды. В темной глади ведра мелькнуло отражение – не ее собственное лицо-солнышко с веснушками, обрамленное рыжими косами, и не багрянец заката. На миг показался острый профиль, бледный, как лунный камень, и взгляд. Холодный, пронзительный, оценивающий. Взгляд ворона, высматривающего добычу с высоты утеса. Заряна ахнула, ведро едва не выскользнуло из рук. По спине побежали ледяные мурашки, сердце забилося бешено, как барабан перед битвой. Она резко обернулась, вцепившись взглядом в опушку леса. Никого. Только березы да ели переговаривались меж собой тревожно. Первые тяжелые капли дождя упали ей на лицо. Надвигалась буря. Но холод, проникший в самое нутро, был страшнее любой грозы. Где-то там, в сгущающихся сумерках, за ней наблюдали.

Сон к Заряне пришел только перед рассветом, липкий и неотвязный, как паутина в заброшенной бане. Она металась на постели из овечьих шкур. Ей снилось, что она парит над язвой мира – землей, вздувшейся и пульсирующей гнойными пузырями. Оттуда сочился не туман, а выдох разлагающихся недр – запах такой омерзительный, что во сне хотелось вырвать собственную глотку. Как будто банник кожу снял с самого мироздания и бросил в болотную трясины. А над этим кошмаром, чернее самой бездны, кружил ворон. Не птица. Воплощение скверны. Его крылья разрывали клочья гнилого неба, а крик был не звуком, а пронизывающим стоном, врезавшимся прямо в костяк, замораживая душу. Заряна проснулась с криком, зажатый в горле, с ощущением, что этот темный взгляд все еще скользит по ее спине.

Как отличается ее солнечная суть с тем чудовищным вороном из сна! Свет и Тьма. Исцеление и конец пути.

– Где тебя такого страшного взяли? – мелькнула мысль, но она тут же погасла, задавленная утренней сыростью.

Где-то в тени вековой ели, за версту от деревни, на черной, скрюченной ветви сидел огромный ворон. Его черные, блестящие бусины глаз жадно изучали образ девушки, застыв в немом наблюдении.

– Чистая, – проскрежетал низкий, нечеловеческий голос, больше похожий на шелест крыльев во тьме. – Не оскверненная сомнениями. Светлая. Илва не ошиблась.

Слова повисли вместе с первыми каплями летней грозы в , и в тот же миг пространство вокруг ворона содрогнулось. Не от звука, а от внезапного, пронизывающего до костей холода, который обрушился, как волна. Тень под елью сгустилась, стала гуще, тяжелее, почти осязаемой. Воздух затрещал от инея, тонкие паутинки мгновенно побелели, а мох под деревом покрылся хрустящим ледяным налетом.

Птичья форма поплыла, потеряла четкие очертания. Черное оперение растягивалось, темнело еще больше, приобретая текстуру не перьев, а... плотной, поблескивающей призрачным светом кожи и косматой, грубой шерсти. Фигура вытягивалась вверх, становясь неестественно высокой и поджарой, стройной, как натянутый лук. Кости и сухожилия проступали под черными одеждами и плотно обхватили торс, руки, ноги, подчеркивая каждую жилу, каждый резкий угол тела. Шерсть по краям одеяния, на плечах, торчала острыми, иссиня-черными прядями, точно вороньи перья, которые колыхались в ледяном мареве, которое теперь исходило от него самого.

На месте птичьей головы возникло лицо. Бледное. Мертвенно-бледное, как лунный свет. Лицо резкое, острые скулы вздымались высоко, словно отточенные лезвия. Подбородок был твердым, челюсть напряженной.

И глаза.

Они открылись последними. Глаза цвета непроглядной тьмы. Не просто темные, а абсолютно черные, бездонные, поглощающие весь скудный свет, проникающий сквозь хвою ели. Ни белка, ни зрачка – лишь полированные, неживые плоскости черного вулканического стекла. Те самые глаза, что преследовали Заряну в кромешной тьме колодца, мерещились на ветвях одинокой ели, терзали в кошмарах, где холод сковывал душу.

Он ступил с ветви на землю бесшумно, словно его сапоги не касались ее. Мужчина, закутанный в черную кожу и шерсть-перья, был олицетворением северной зимы и самой Хель. Его тень, падающая от ствола ели, казалась живой – трава под ней мгновенно покрывалась толстым слоем белого инея. Херсир. Воин с ледяным сердцем. Ворон. Проклятый духами Хельхейма.

Его обсидиановый взгляд, несущий в себе ледяной ужас прошлого, снова устремился в сторону деревни. Он нашел то, что искал. Ключ. Избавление для темного пламени своего проклятия и спасения своего острова. Свет, который должен был гореть достаточно ярко. Свет, который он пока не видел в ней как что-то большее. Лишь как жертву. И в глубине его темных очей шевелились призраки, напоминая о цене, которую, возможно, придется заплатить.

Глава 2

Родник. Место, где чистая вода была из-под камня, среди папоротников и мхов, теперь дышало смертью. Тот самый запах гнили, что преследовал Заряну во сне, здесь был густым, осязаемым, как гнилая плоть под солнцем. Источник осквернился у самого истока – черная, маслянистая пленка пульсировала на поверхности воды, а из трещины в камне сочился едкий дымок. Заряна, присев на корточки, сжимала в кулаке горсть земли, пытаясь почувствовать корень зла, ощутить связь с духами этого места. Они молчали, подавленные, их шепот потонул в зловещем гуле, исходящем из-под земли.

– Мать лесов, что это? – мысль была полна ужаса и решимости. Нужно помочь, нужно...

Тень упала на нее бесшумно, перекрыв слабый утренний свет. Холод, знакомый до озноба, пронзил спину раньше, чем она услышала шаг. Заряна вскинулась, обернувшись. Он стоял там, между сосен. Не ворон. Человек. Высокий, широкие плечи, мускулистый торс, в черной, облегающей коже и шерсти, напоминающей перья.

– Светлоокая, – произнес Гейр Вальхёрр холодно, отстраненно.

– Я нашел тебя.

Ярость, чистая и первобытная, вспыхнула в Заряне сильнее страха.

– Убирайся откуда пришел! – выкрикнула она, и рука инстинктивно взметнулась. Для удара. Для света. Тепло, жизнь, сила – все, что было в ней, сконцентрировалось в ладони и выплеснулось ослепительной, обжигающей молнией прямо в него. Она ударила его в грудь, отбросив на шаг, но... не сбила. Вскинула руку во второй раз и на его лице, там, где луч света коснулся его щеки, остался тонкий, дымящийся шрам. Кожа обуглилась.

Острая боль. Кожа обуглилась. Вместо стона из его горла вырвался смех. Короткий, резкий, лишенный тепла. Пальцы коснулись шрама.

– Светлоокая, – прозвучало уничижительно, как обращение к глупому ребенку.

– Не пытайся даже. Твой огонек лишь щекочет.

Голос звучал презрительно, но внутри Гейра бушевал холодный восторг. Восхищение этой неукротимостью, которую он должен был сломить. Это было... прекрасно. Как дикий конь рвет поводья. И он жаждал ее укротить.

Гейр двинулся к ней. Быстро, как тень. Заряна отпрыгнула назад, к роднику, но путь был отрезан. Ее движения были отчаянно грациозны, как у загнанной лани, и это лишь подстегнуло его. Крепкие руки схватили ее за плечи. Она рванулась, ударила кулаком в лицо, почувствовав под костяшками твердость челюсти. Он лишь наклонил голову, приняв удар. Его хватка стала железной. Потом – боль. Острая, дергающая боль в корнях волос. Он схватил ее за длинную косу и резко дернул на себя, заставив вскрикнуть от неожиданности и унижения. Ее вскрик – звук чистой ярости и ненависти к захватчику – ударил ему в кровь, как крепкий мёд. Густые, огненные волосы, обжигающие даже через перчатку. Лицо ее оказалось в опасной близости от его бледного, со шрамом лица. Дыхание Гейра было холодным, как морозный воздух.

– Теперь ты моя добыча, рыжая, – прошипел он, и в его голосе звучала неоспоримая, хищная уверенность.

– Перелетная птичка попала в силки.

Свет не сработал. Физическая сила была ничтожна против его мощи. Но Заряна не сдавалась. Не плакала. В ее глазах горел огонь дикой лесной кошки. Когда он потянул ее к себе, она впилась зубами в его руку. Даже сквозь плотную кожу перчатки он почувствовал давление челюстей, яростный укус. Боль была острой, щедро приправленной ее ненавистью. Она била ногами, царапала свободной рукой его лицо, шею, пытаясь достать глаза. Это был вызов. Тепло, пробегающее по жилам, заставляющее кровь бежать быстрее, а сердце сжиматься словно в

кулаке. Ее сопротивление было эликсиром, опьяняющим и опасным. Каждая неуправляемая вспышка ее силы, каждое проявление неукротимости – все это возбуждало его с почти нечеловеческой силой. Он хотел видеть больше. Чувствовать больше. Сломить это.

– Ах, голубка, – он заломил ей руку за спину, легко прижав к себе так, что она задыхалась от его силы и запаха стали, кожи. – Эта злость... Эти коготки... Это только распаляет мужчину.

Его голос был низким, опасным, дразнящим. Он наслаждался ее беспомощной яростью, процессом укрощения.

Резким движением Гейр сбросил свой тяжелый плащ на влажную землю у родника. Потом толкнул ее. Заряна потеряла равновесие и упала спиной на грубую ткань. Прежде чем она успела вскочить или перекатиться, он был сверху. Коленьями он прижал ее бедра, одной рукой легко схватил оба ее запястья и завел ей за голову, пригвоздил к земле. Его вес был невыносим, сдавливал грудь, вытесняя воздух. Она билась под ним, как рыба на берегу, пытаясь вырваться, но его хватка была неумолима. Гейр сидел на ней, подавляя. Его темные глаза безжалостно изучали ее лицо, искаженное гневом и отчаянным усилием, ее вздымающуюся грудь, ее хрупкость, которую он с такой легкостью сломал.

В этом взгляде было что-то большее, чем просто контроль. Было любопытство, почти... любованье. Как хищник рассматривает редкую, красивую добычу перед тем, как нанести смертельный удар. Его пальцы в перчатке сжали ее запястья чуть сильнее, заставляя ее ахнуть от боли. Ему хотелось... большего. Ощутить эту силу, эту жизнь под собой иначе. Проучить ее по-настоящему. Заставить этот огонек в ее глазах погаснуть от чего-то иного, кроме страха. Но холодный разум, дисциплина убийцы и осознание ее роли взяли верх. Не сейчас. Не здесь. Ей нужно быть целой. Живой. До острова. Унижение, демонстрация абсолютной власти – вот чего было достаточно. Чтобы сломить дух, сделать послушной и подчинить себе.

– Скоро, – прошептал он почти беззвучно, его губы почти коснулись ее уха, – скоро на острове ты станешь моей. А потом...

– Леший тебя в болото утащи! – выдохнула Заряна, задыхаясь. Голос надрывался от ярости и невыплаканных слез.

Гейр рассмеялся громче, резче. В этом смехе была горечь древнего проклятия и саморазрушительная ирония.

– Меня даже Хель не примет, – произнес он с ледяной усмешкой. – Я давно принадлежу чему-то похуже. В его глазах на миг мелькнула тень древнего и безысходного опустошения, предначертанности, но тут же погасла, снова скрытая маской жестокости.

Он больше не медлил. Резким движением он перевернул ее на живот, все еще удерживая запястья. Одной рукой он прижал ее затылок к земле, используя собственный вес, чтобы обездвижить верхнюю часть тела. Свободной рукой Гейр молниеносно сдернул с себя узкий, прочный кожаный ремень с пряжкой. Заряна почувствовала, как холодная, жесткая кожа впицается в запястья, когда он туго стянул их за спиной, зафиксировав ремнем с лязгом пряжки. Боль от стянутых суставов заставила ее ахнуть. Он не отпустил ее косу – схватив ее у самого основания, Гейр дернул, заставляя Заряну вскрикнуть и запрокинуть голову, лишая возможности упереться лбом в землю или укусить. Прежде чем она успела собрать дыхание для нового крика или проклятия, он накрыл ее с головой своим плащом, погрузив во тьму и в его запах — стали, мужского тела, крови. Плотная ткань душила, мешала дышать. Он поднял ее как мешок, перекинул через плечо. Мир Заряны сузился до его шагов, до боли в сдавленных мышцах и стянутых запястьях, до гудения собственной крови в ушах и всепоглощающей ярости, смешанной с леденящим ужасом.

– Куда?! Куда ты меня тащишь, чужеземец?! Отпусти! – крики доносились из-под плаща, приглушенные, полные неистовства и ужаса. Но было уже поздно. Ее слова были лишь фоном к его мыслям.

Гейр нес ее к берегу, где у старого причала качалась не ее утлая лодчонка, а длинная, зловещая ладья – драккар. На его борту уже ждали. Дружинники в кольчугах и шкурах, с лицами, закаленными ветром и войной. Увидев своего ярла, шагающего по скользким камням с явно живым, кричащим и дергающимся свертком через плечо, они загоготали. Грубый, жестокий смех раскатился над водой.

– Ха! Попалась голубка, ярл? – крикнул один, широкоплечий, с медвежьей шкурой на плечах.

– Крепко клюнула, судя по морде! – добавил другой, тыкая пальцем в свежий шрам на скуле Гейра.

– Держи крепче, а то улетит! – заржал третий.

Гейр не удостоил их ответом. Его лицо оставалось каменным, лишь легкая гримаса презрения тронула губы в ответ на их тупое веселье. Он шагнул по сходням на борт ладьи. Сверток на его плече бешено дергался, из-под плаща доносились приглушенные крики, проклятия и рычание. Дружинники переглянулись, смех их стал тише, но не исчез – в нем появился оттенок уважения к добыче, которая все еще сопротивляется.

– Теперь на остров, – коротко бросил Гейр, сбрасывая свою ношу на деревянный настил у мачты. Заряна, все еще закутанная, ударилась о доски, но крик ее был скорее яростным, чем плачущим. Гейр наступил ногой на край плаща, прижимая его к палубе, лишая ее последней возможности вырваться. Он посмотрел на своих людей, его темные глаза были холодны.

– Голубка поймана. Гребите. Время пришло.

Дружинники засуетились, смех сменился деловитой жестокостью. Весла опустились в темные воды Ладоги. Драккар дрогнул и начал медленно отплывать от берега, увозя с собой свет Заряны, закутанный во тьму и ярость. Гейр стоял на корме, глядя на удаляющийся лес. Шрам на скуле пылал, напоминая о ее силе. О силе, которую он должен был погасить. В его груди, под ледяной броней долга, что-то дрогнуло – досадное, назойливое любопытство к этой дикой, светлой душе, которую он обрекает на гибель.

Глава 3

Мир сузился до скрипа уключин, хлопка паруса о мачту и ледяного дыхания моря. Ладога, дом, тепло очага – все растворилось в серой хмари за кормой «Железного Ворона». Ладья врезалась в лабиринт шхер, где гранитные исполины, изъеденные временем до скелетов, взирали на них пустыми глазницами пещер. Воздух звенел не только от чаек, но и от тишины – неестественной, гнетущей, словно сама природа затаила дыхание перед лицом вторгшегося проклятия. Вода в узких проливах была маслянисто-спокойной, черной, как зрачок мертвеца, отражая хмурое небо и угрюмые скалы, будто плывущие в бездне. Здесь пахло не только солью, сосной и мхом, но и тленом – сладковатым, едва уловимым, словно с гниющих корней самого Иггдрасиля.

Ярна (она больше не Заряна, не здесь, не в этой тьме) прижалась спиной к холодной мачте. Веревки с запястий сняли – бежать было некуда, только в объятия ледяных скал или в пасть Северного моря. Но настоящие пути были крепче льда. Страх, сжимающий горло, гнев пылал в груди углями, и горечь бессилия, отравляющая душу. Она смотрела, как серые призраки островов проплывают мимо, и внутри бушевала тихая буря, от которой не было спасения.

«Дальняя дорога ждет тебя, доченька. Как Ульф Белый Свет пришел к нам через моря, так и ты ступишь на землю свеев. Твоя судьба – за горизонтом, там, где родился твой отец.» – Матушка... Мысль пробилась сквозь ярость. Теплый голос, руки, пахнущие ромашкой и хлебом, у очага в избе, где пахло дымом и добром.

Горечь заполнила рот, солонее слез. Вернулась? Похищенная, в полон? Завернутая в саван собственного страха? Это ли ее «дальняя дорога»? К жертвенному камню на проклятом острове? Образ матери, такой ясный в этом ледяном кошмаре, заставил сжаться сердце.

– Ты видела дорогу, но не видела конца? Или видела и молчала?

Отчаяние, холодное и липкое, поползло по жилам, но она сглотнула его, вытесняя жгучим, знакомым пламенем ненависти к фигуре у кормы. К нему. Гейру Вальхёрру. Железному Ворону. Его тень на палубе казалась гуще, холоднее окружающего мрака.

– Эй, ярл! Кириала лесная, дикарка, а глянь – волосья-то! Прямо огонь в пасмурный день! Рыжая, как лиса! Не иначе сам Тор отметил! Шутка ль? Рыжий Тормунд, лицо, обветренное, как старая кора, покосился с весла то на херсира, то на пленницу. Его голос, хриплый, будто перекачивал гальку, громко нарушил звенящую тишину:

– Отец ее – Ульф Свей, – прозвучало ровно, без интонации, словно читал руны на камне. – Оттого и рыжая. Никакого знака. Просто чужая кровь на этих камнях. Чужое солнце. Гейр, стоявший на корме недвижно, как изваяние, отлитое из ночи и стали, медленно повернул голову. Его взгляд, тяжелый и бездонный, скользнул по Ярне, задержавшись на ее медных волосах, трепетавших, как пойманное пламя, на пронизывающем ветру. В глубине его глаз, казалось, шевелилось что-то бледное и скорбное – отблеск призраков, обреченных следовать за ним.

– А ты – сама Хель под личиной человека! – выкрикнула она, и голос ее, звонкий и надтреснутый, резал воздух. – Волосы – как крыло ворона над падалью! Глаза – как проруби в мертвом озере, куда только тени смотрят! Весь – как ночь, проглотившая все звезды! Не человек – ходячее проклятье! Ярна вскипела. Его спокойствие, это отрицание всего, что было ее сутью – отца, родины, даже солнца в ее волосах – стало последней каплей. Ее дар, подавленный страхом и гневом, дрогнул – не тепло, а резкая, белая искра мелькнула в глазах.

– Пой, птичка, – прошелестел его голос, тихо, но так, что слово вонзилось в каждого, как ледяная игла. – Пой, пока не замерзли соловьиные связки. Фрейя наградила тебя ликом зари, да умения помолчать и принять долю – обошла. Трудная ты дева. Таких... – его взгляд скользнул по темной, безжалостной воде, – ...таких шуки жуют без особого восторга. Но у тебя, Рыжая

Ярна, доля куда страшнее. Остров ждет. И моя тень. – Он подчеркнул последнее слово, и в нем прозвучала не угроза, а мрачные отголоски судьбы рыжеволосой девушки. Тишина на палубе стала звенящей, как лопнувшая струна. Даже ветер замер, прислушиваясь. Воины застыли, ожидая удара молнии. Гейр не двинулся. Лишь тонкая трещина тронула ледяную маску его лица – не усмешка, а нечто более древнее и опасное, как шевеление лавины перед обвалом. Он шагнул к ней. Не спеша. Каждый шаг отдавался глухим стуком по доскам палубы. Хищная уверенность витала вокруг него, осязаемая, как мороз перед рассветом.

Хриплый, лишенный тепла смех дружинников прокатился, как волна. В нем не было сочувствия – лишь признание закона сильного, звериное понимание иерархии и зловещей правоты вождя. Этот смех обжег Ярну хуже пощечины. Она рванулась было вперед, кулаки сжаты, но ее остановил его взгляд. Не гнев. Предвкушение.

К вечеру, когда солнце, спрятанное за саваном туч, лишь багровым шрамом отметило закат, ладья причалила в каменной пасти крошечной бухты. Укрытие. Пока воины, орудуя топорами, рубили хворост для костра на каменистом пляже и варили уху с запахом моря и безысходности, Гейр не спускал ледяных очей с Ярны. Она стояла у черной стены леса, что подступал к самому берегу. Пахло свободой, хвоей, влажной землей – всем, что не было им и этим проклятым кораблем. Всего несколько шагов... Чаща поглотит, даст шанс, пусть прозрачный...

Она рванула. Рывком, отчаянным, как у зверя, попавшего в капкан. По скользким камням, к первой темной сосне! Сердце колотилось, выбивая ритм побега. Свобода! Лес! Дом!

– Куда путь держишь, Ярна? – его голос, низкий, с металлическим отзвуком, прозвучал прямо в ухо, заставляя мурашки бежать по коже. – Лес здесь не твой. Там хозяева... куда менее терпимые к незванным гостям, чем я. Тень настигла ее раньше, чем она успела вдохнуть полной грудью лесной воздух. Не жесткие, а холодные руки, обжигающие ледяным прикосновением даже сквозь одежду, обхватили ее талию, подхватили, легко оторвав от земли. Она вскрикнула – не только от ярости, но и от шока этого ледяного захвата, от внезапной близости ворона.

В его тоне сквозила не издевка, а странная усталая правда.

– Что это?! – зашипела Ярна, дергая за связующую их полосу кожи. От прикосновения к его запястью веяло неестественным холодом. – Я теперь твоя собака на привязи?! Он понес ее обратно к костру, игнорируя ее отчаянные выкручивания, удары локтями и пятками. У огня, бросавшего пляшущие тени на скалы, он достал не грубую пеньковую веревку, а прочную, гибкую кожаную петлю. Одним концом он туго обмотал ее вокруг своего левого запястья, поверх кожаного наруча, затянул узлом, который знала только смерть. Второй конец легким, но неумолимым движением обернул вокруг ее правой щиколотки, выше сапога, и затянул. Узел был сложным, хитрым. Длина позволяла отойти на два шага – не больше.

– Голубка, – ответил он почти ласково, укладываясь на плащ с глухим стоном усталости, едва слышным. – Чтобы драгоценный камень не затерялся в ночи. И не накликать беды глупостью. – Он легко потянул петлю, заставив ее сделать шаг ближе к его ложу. – Ложись. Сон нужен. Хотя бы глоток. – Он кивнул на край плаща, рядом с собой. – Не трать силы, дева. Бесполезно. И шумно. Гейр, не глядя на нее, расстелил свой тяжелый, темный плащ на землю чуть поодаль от костра и воинов, в полосе глубокой тени.

– Я у костра! – выдохнула она, пытаясь отпрыгнуть к теплу и людскому гулу. Она стояла, вмерзшая в землю от унижения, дрожа всем телом. Лечь рядом? Делить его холод, его пространство, его проклятое дыхание? Ее собственный свет, слабый и колючий, едва теплился под кожей.

– Ложись. Здесь. – Повторение было мягче, но от этого лишь неумолимее. – Или привяжу к сосне. Будет холоднее. И одиноко. Петля натянулась мгновенно и резко, как тетива, остановив ее на месте. Гейр даже не приподнялся. Он лежал на боку, подложив руку под голову, и смотрел

на нее сквозь полуприкрытые веки. В ответах костра его глаза были как две черные дыры, ведущие напрямик в Нифльхейм. На ресницах блеснул иней.

Она видела – это не пустые слова. Ненависть клокотала в ней лавой, но усталость, тяжелая, валила с ног. С подавленным стоном она плюхнулась на самый край его плаща, спиной к нему, как можно дальше. Камни под тонкой тканью впивались в бедро. Она куталась в свой грубый плащ, съежившись в дрожащий, яростный комок.

– Спи, Ярна Светлоокая, – прошептал он так тихо, что слова могли быть лишь шелестом ветра. – Скоро... увидишь остров. И тень его. – В его голосе прозвучала не угроза, а усталая тяжесть, почти... предостережение. Кожаная петля между ними натянулась, тонкая и прочная, как судьба. Она чувствовала каждое его движение: глубокий вдох, едва уловимый сдвиг плеча, пульсацию крови под холодной кожей его запястья – медленную, мертво-ровную. Гейр перевернулся на спину, уставившись в черную прореху неба между соснами.

Она не ответила. Сжала веки, пытаясь отгородиться от всего: от его ледяного присутствия, от кожаного каната на щиколотке, от запаха дыма, моря, стали и чего-то древнего, мерзлого, что исходило от него. Но связь была физической, неразрывной. Как их путь к острову, пожираемому проклятием. Вокруг потрескивал костер (пламя странно клонилось в ее сторону), храпели воины, стонали сосны под порывами ветра с севера. А между херсиром, несущим смерть в своей тени, и пленницей, чей свет мог быть спасением или гибелью, тянулась тонкая, зловещая нить их вынужденного союза. Тугая. Готовая лопнуть или сплестись намертво. Как тетива лука перед выстрелом в неизвестность.

Глава 4

Ветер с Ледяного Залива не пел – он выл. Он рвал паруса «Железного Ворона» в клочья, обжигал лицо кристалликами соли и нес в себе не запах, а вкус: прогорклой смолы, пота страха и тоски, густой, как деготь на швах ладьи. Воздух звенел от ледяной хватки, предвещающий нечто большее, чем шторм. У основания мачты, прикованная к ней не столько веревками, сколько плетью собственной ярости, сидела Ярна. Ее глаза, зеленые, как молодая хвоя под мартовским солнцем, впились в спину Гейра Вальхёрра. Он стоял на корме, неподвижный страж на границе миров. Сумерки обволакивали его, как вторая кожа, и лишь бледный шрам на скуле – отметиная ее отчаянной вспышки света, – светился призрачным маяком в сгущающемся мраке.

– Зачем? – Голос ее был хриплым от злобы и соленых брызг, но разрезал вой ветра с четкостью жнеца, срезающего колос. – Зачем я тебе, Ворон? Прокормить свою тень? Или твоя Хель проголодалась?

Гейр повернулся медленно, словно ледяная глыба, отколовшаяся от айсберга. Взгляд его, черный и бездонный, скользнул по ней – холодный, оценивающий, вскрывающий любую слабость. Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки, лишенной всего, кроме ледяного расчета. В его глазах мелькнуло что-то – не призрак, но тень призрака, отражение тех, кого он унес в бездну.

– Скоро узнаешь, Ярна, – прозвучал его голос, низкий и тяжелый. – Скоро откроется твоя клетка. И ключ... уже в замке.

– Охо-хо! Лесная пичужка да как поет складно! Уши, поди, на мачте развесила, пока пряталась? Или с медведями болтала? Рыжий Торн, ковырявший ножом щит, фыркнул, разбрызгивая слюну:

– Язык ворона выучить – не велика мудрость, криворотый. Каркает – слышишь. Собака брешет – слышишь. Вот и выучишь, коли уши не забиты морской солью да собственной тупостью, гуще дегтя. Ярна метнула на него взгляд, полный такого презрения, что даже выдавший виды воин слегка отпрянул.

– Ха! Ох и язычища, ярл! – гаркнул он в сторону Гейра. – Режет, как свежая сталь! Надо бы притупить, а то себя самой перережет от злости! Торн не зарычал. Он расхохотался, громко и неожиданно, хлопнув себя по колену.

– Притупить? – Он повторил слово тихо, но оно прозвучало громче раската грома, нависшего над морем. Молчание после сказанного сгустилась, вязкая, как смола. – Я только начал, Торн. Скоро... птичка запоеет. Иначе. Сладко. Жалобно. Как те, что замерзают в капкане моего льда. Гейр не смеялся. Его взгляд, прикованный к Ярне, сузился до щелочек. В них не было ни веселья, ни даже привычной жестокости – лишь непроглядная, мерцающая глубина, как трещина во льду над черной водой.

Ухмылки сошли с лиц воинов. По их закаленным щекам пробежала тень – не страха перед предводителем, а древнего, животного ужаса перед тем, что в нем жило. Перед тенью, что лениво вилась у его ног, оставляя на мокрых досках иней.

– На... попей, – прошептал он. – А то и вправду... язык примерзнет. Молодой Эйнар, чье лицо еще хранило мягкость неопытности, украдкой подполз к Ярне. В его глазах читалась неловкая жалость и стыд – стыд за своих, за этот корабль, замерзающий под тяжестью проклятия. Он протянул свою походную флягу, дубовую, потертую.

Ярна кивнула, почти бессознательно. Пересохшие губы жадно потянулись к желанной влаге. Но свет перекрыла тень – стремительная, холодная. Гейр был рядом в миг, беззвучный, как дух возмездия. Тяжелый сапог взметнулся – не для удара, но для точного, жестокого дви-

жения. Фляга вылетела из рук Эйнара, глухо стукнулась о палубу, вода растеклась темным, быстро замерзающим пятном. От сапога Гейра тянулись тонкие белые нити инея.

– Кликнуть меня забыла, рыжая? – Голос его взревел низко, опасным гулом. – Иль твой свет только на ненависть хватает? На воду – уже нет?

Он навис над ней. Его тень поглотила ее, принеся с собой внезапный, пронизывающий холод. Даже сквозь шерстяной плащ ее прошиб озноб.

– С вороном? – Каждое слово она высекла из льда собственного отчаяния. – Не. Стану. Лучше сдохнуть, чем пить из твоей... тени. Ярна подняла голову. Не слезы, а чистое, белое пламя ненависти пылало в ее глазах, отражая мерцающий шрам на его лице.

– Больше – ни капли воды, ни крохи хлеба, ни взгляда, Эйнар Мягкосердный. От меня. Только от меня. Понял? Или отправишься кормить глубинную тварь, что ходит за нашим килем. Прямо. Сейчас. Гейр не рассердился. Уголки его губ дрогнули вновь, на этот раз в ухмылке, широкой и неприятной, обнажающей крепкие, почти хищные зубы. В его глазах не было веселья – лишь холодное любопытство и что-то еще... голодное? – Ох, как больно, Ярна, – прошипел он с мнимой печалью, в которой звенела сталь. Движения его были стремительны и неумолимы. Он наклонился, его пальцы в грубой перчатке вцепились не в нее, а в ее длинную, огненную косу. Он нашел вплетенную льняную ленту – простую, выцветшую, последний отзвук далекого дома. Его палец провел по ней с издевательской, почти ласковой медлительностью. Потом – резкий рывок. Тяжелая коса перекинулась через ее плечо, легла на грудь, как ярмо, как знак пленения. Жест не мужа, а хозяина, отмечающего собственность перед стаей. Его взгляд, ледяной бур, вонзился в побледневшего Эйнара:

Эйнар кивнул, потупив взгляд. Стыд и бессильная злоба сковали его язык. Он отполз, стараясь не смотреть на темное пятно замерзшей воды.

Ночь поглотила снелкар целиком. Ладья превратилась в скорлупу, затерянную в чернильной пучине, где волны не бились – скрежетали о борт ледяными когтями. Воины спали, свернувшись калачиками у весел, их храп и бормотание тонули в грохоте стихии. Бессонница, вечная спутница проклятых, гнала Гейра прочь от кормы. Бесшумной тенью, в которой клубился морозный туман, он подошел к мачте. Ярна спала, съежившись в комок, лицо искажено гримасой – то ли боли, то ли немного крика. Даже во сне она отворачивалась, пытаясь укрыться от его присутствия, от ледяного дыхания его проклятия. Грубый шерстяной плащ сполз с ее плеча.

Он замер. Глядел. В его черных глазах, где обычно жили лишь призраки и расчет, мелькнуло что-то неуловимое – трещина в ледяном панцире. Потом, с неловкостью, странной для его уверенных движений, он наклонился. Грубые пальцы, знавшие лишь вес топора и хватку смерти, подхватили край плаща. Поправили. Накрыли плотнее, стараясь укрыть хрупкую шею. Его рука замерла над ее головой. Пальцы, против его воли, коснулись спутавшейся пряди рыжих волос у виска, скользнули по туго заплетенной косе, все еще лежащей на ее груди как символ его власти. Жест был... неожиданно бережным. Чужеродным. В его груди что-то сжалось – не боль, а пустота, зияющая рана.

– Миг один... видел твой свет чистый... – Шепот его был тише шелеста крыла ворона над заливом, потонул в грохоте волн. – ...А пустота, что зовется сердцем... рвется к нему. Дико. Как зверь к костру, зная, что сгорит. – Он замолчал, впившись взглядом в ее спящий профиль. Линии ее лица, даже искаженные страданием, казались ему единственной реальностью в этом катящемся в бездну мире. – ...Или это моя тьма... голодна до твоего пламени? Сожрет... или согреет?

Вопрос повис в ледяном воздухе, не требуя ответа от спящей. Гейр резко отвернулся, как будто обжегшись прикосновением к солнцу. Он растворился в ночи у кормы, слившись с мраком, который был ему и броней, и тюрьмой. Оставив Ярну спать под незримой стражей своей тени, где долг перед гибнущим народом и темная, непостижимая тяга сплелись в мертвый узел, который предстоит разрубить... или распутать светом. Ее светом.

Глава 5

Лодка врезалась в берег с хрустом ломающихся ребер. Не песок встретил их, а черные, отполированные волнами камни, скользкие от инея и слизи гниющих водорослей. Остров. Он вырос из тумана не землей, а оскалом чудовища – скалы, как обглоданные временем кости, торчали из ледяной воды. Воздух не просто холодил – он резал, впиваясь в легкие тысячами стеклянных игл, неся с собой едкий коктейль соли, тлена и отчаяния. Запах могилы, которая дышит.

Ярну вытолкнули на камни. Она споткнулась, едва удержав равновесие, грубая ткань одежды натирала кожу, промерзшую до костей.

«Чтоб вас русалки в глубины уволокли!» – пронеслось в голове на родном языке, гневной искрой в ледяной пустоте страха. Силы? Их осталось – как у зайчонка перед волчьей стаей. Бесполезно.

И тогда она увидела.

Выше всех, на уступе скалы стояла женщина. Она не нарушала пейзаж – она была его центром, его язвой. Длинная туника струилась серебристо-холодными потоками, будто сотканная из лунного света. Волосы пепельного цвета были убраны с безжалостной, мертвенной точностью. Но глаза... Глаза цвета скалы на дне бездны. Колодцы, уходящие прямоком в Нифльхейм. В них не было ни мысли, ни чувства – лишь абсолютный, вымораживающий душу холод.

Илва. Имя висело в морозном воздухе не звучащим эхом. Воины застыли в поклоне, низком и дрожащем – не от уважения, а от животного страха перед этой ледяной пустотой в облике жены конунга, матери их херсира.

Взгляд Илвы скользнул по Ярне. Оценивающе. Как мясник смотрит на тушу. Ни один мускул не дрогнул на лице, прекрасном и страшном, как замерзшее озеро под звездной ночью. Он остановился на Гейре, стоящем чуть позади пленницы. И в этой пустоте мелькнуло нечто – холодное, расчетливое удовлетворение мастера, видящего удачно поставленный клин.

– Ворон принес голубку, – голос Илвы был тихим, но резал слух каждого. Она не назвала сына. Взгляд вернулся к Ярне. – Ярн... Сколь ничтожен твой свет в моей тени. Голубка в клетке. Идеальна.

Гейр шагнул вперед, почти незаметно заслонив Ярну своим телом, его темный плащ колыхался, как крыло. Его тень легла на девушку – колючий холод сменился на мгновение густой, защитной тьмой.

– Она здесь. Сила её света отгоняла ходунов три ночи подряд на море, – его голос был тверд, как скала, но в нем звучал вызов. Он коснулся шрама на скуле – тонкой, свежей линии. Подарок Ярны при попытке бегства у Ладожских лесов. Доказательство ее огня, света.

Илва медленно перевела на него свои бездонные глаза. Взгляд давил, как глыба векового льда.

– Смотри, сын, – слово «сын» прозвучало как пощечина, – чтобы твоя голубка не обожгла крылья о прутья прежде времени. Сосуд должен быть цел. До ритуала.

За ее спиной, словно вызванный этим холодным напоминанием, возник мужчина. Конунг Эйстейн. Он нес свою власть, как раб – ярмо, согнув свои широкие плечи. Лицо, изъеденное морщинами не столько возраста, сколько непрожитого горя и стыда. Он смотрел на Ярну, и в его глазах плескалась мука: жалость глубокая, как фьорд, и вина, тяжелее горы. Она напомнила ему кого-то – племянницу? Дочь брата, поглощенную проклятием острова? Его пальцы бессильно сжались.

– Гейр... Это... она? – Голос Эйстейна был хриплым, усталым. Он не смотрел на племянника, его взгляд метался между Ярной и Илвой, застывшей на скале как рок.

– Боги... Она ж... дитя почти. И мы... – Он не закончил, лишь покачал седой головой, и в этом жесте была вся покорность обреченного. – Добро пожаловать на Остров скорби, дитя.

Слова «добро пожаловать» звучали как конец всему.

– Прости... прости нас.

Шепот, полный горечи и бессилия перед ледяной волей жены.

Гейр снова двинулся, на этот раз прямо к Ярне. Его тень, широкая и мрачная, легла на камни, иней заплелся вокруг его сапог. Резким жестом он отсекает воинов. Теперь он стоял перед ней, воплощение этого проклятого места. Запах стали, моря, вечного холода и скрытой, древней боли. Плоть от плоти кошмара и его главный пленник.

Ярна вскинула голову. Страх, который сковал ее горло, был сожжен внезапной волной ярости. Чистой, обжигающей. Ненависть вспыхнула в ее глазах – не пламя, а острый осколок солнца, брошенный в лицо тьме. Она видела связь. Ледяной идол на скале, сломленный правитель... и он. Звено в этой цепи ужаса.

– Добро пожаловать? – Ее смех прозвучал резко в тишине их мрака.

– Этот ваш остров – дыра в мире! Яма, куда свет боится заглянуть! А ты... – Глаза, полные презрительных молний, метнулись от Гейра к Илве. – Чего тебе, Ворон? Чего не хватило в вашей семейной могиле? Еще одной жертвы для ледяной паучихи?

Лицо Гейра оставалось маской. Но в глубине глаз, где жили призраки, мелькнуло нечто – не гнев (ненависть для него – слова на ветер), а холодное изумление. Ее дерзость была как удар копья – точный, в незащищенную щель. Она назвала остров могилой. Увидела нить, связывающую его с Илвой. Слишком пронзительна. Слишком... живая. Он говорил ровно, игнорируя укол о матери, но напряжение в скулах выдавало его:

– Ты здесь не гость, Светлоокая. Твой свет – факел против тьмы, что пожирает эту землю.

Его взгляд, острый как клинок, скользнул по ней, задержавшись на упрямом изгибе губ, на гордой линии шеи.

– Он нужен. Чтобы остановить то, что предначертано.

Ярна выпрямилась во весь свой невысокий рост. Ее свет, подавленный, тусклый, но еще живой, слабо пульсировал вокруг нее, отталкивая сгущающийся мрак. Она обвела взглядом: Илву-идол, Эйстейна-тень, Гейра-проклятие.

– Мой свет? Чтобы освятить алтарь твоей матери? Чтобы согреть руки похитителям? – Она плюнула к его ногам. Слюна ударилась о черный камень и мгновенно превратилась в крошечную ледяную жемчужину. – Чтоб вам пусто было в вашей вечной мерзлоте! Мой свет гаснет для таких, как вы! Для вашего проклятого рода!

Гейр смотрел на нее. По-настоящему смотрел. Он привык к страху, к слезам, к животному ужасу в глазах пленников. Здесь же... здесь бушевал шторм. Жизнь. Не только тот странный, теплый свет, что бился в ней слабым пульсом. Ее дыхание было частым, яростным, грудь высоко вздымалась под грубой тканью, глаза горели – не страхом, а яростью сопротивления. Упрямство, не сломленное ни дорогой, ни страхом, ни этим каменным чревом, ни ледяным взором Илвы. Она была как первый росток после долгой зимы – хрупкий, но невероятно упорный, пробивающийся сквозь мерзлоту. Мысль ударила его, неудобная и острая:

– Слишком живая для этой могилы. Слишком живая для ритуала матери. Слишком живая... для моей тени.

Он ощущал ее силу духа не с холодным любопытством охотника, а с внезапным, сокрушительным осознанием пропасти. Пропasti между ее яростным, неукротимым пламенем и мертвенным холодом его мира, его судьбы. Где-то глубоко внутри, под толщей вечного льда, что-то едва дрогнуло. Запретное. Теплое. Кровь побежала быстрее.

Он резко отвернулся, не в силах выдержать этот невыносимый контраст – ее пылающую жизнь на фоне всеобщей обреченности. Его голос прогремел, как обвал, рубящий все сомнения, все назойливые мысли:

– Отвести ее! В мой дом. Никто не смеет прикоснуться. Она принадлежит мне. И ритуалу. Слова «мне» и «ритуалу» прозвучали с одинаковой, неумолимой тяжестью, сливаясь в приговор.

Воины схватили Ярну под локти. Она вырвалась одним резким движением, бросив последний взгляд. Сначала на Илву – взгляд, полный немого обещания: я вижу тебя, паучиха. Потом на Гейра – взрыв чистейшего, беспощадного презрения и вызова.

– Ритуал? Ха! Гляди, Ворон! Гляди, как твоя голубка выключает глаза вам!

Ее увели по тропе, вверх, к темным очертаниям зала на скале. Ее рыжие волосы, слабо светящиеся изнутри, как последний уголь в пепле, мелькнули и исчезли в сгущающихся сумерках.

Гейр стоял неподвижно. Мысль – слишком живая – стучала в висках навязчивым, тревожным ритмом, громче шепота ледяного ветра, несущего с моря запах грядущей гибели, громче тяжелого вздоха Эйстейна. Он чувствовал на спине взгляд матери – тяжелый, оценивающий, напоминающий о цене неповиновения. И впервые за долгие, мертвые годы, лед в его груди треснул. Не тонкой нитью. Щелью. Зияющей и опасной.

Глава 6

Ледяной воробей упал на порог длинного дома конунга Эйстейна. Замерзший комочек перьев, хрупкий, как надежда. Гейр Вальхёерр перешагнул через него, не глядя. Его тень, стелющаяся по снегу, заставила лед на пороге треснуть с тихим звоном. Внутри, несмотря на треск гигантских очагов и гул сотен глоток, витал не пир, а предсмертный хрип. Воздух был густ от тушеной оленины с можжевельником, кислого дыма и человеческого отчаяния, пропитавшегося сквозь бревна и шкуры в эти стены. Пир отчаяния под низко нависшими, как погребальные своды, балками.

Гейр занял место рядом с дядей-конунгом. Каменное лицо херсира было лишь маской. Каждое «Слава Железному Ворону!», каждый рог, поднятый в его честь, били молотом по натянутым нервам.

– Слава похитителю, – язвил внутренний голос, звучавший подозрительно похоже на ее, Ярны, сдавленный шепот сопротивления.

– Привез птицу! Ту самую, что вёльва предрекла! Свет во тьме! – рявкнул седой ярл, чей сын стал жертвой драугра на прошлой луне. Его глаза, мутные от меда и горя, искали в Гейре спасителя.

– Голубка наша! – пронеслось из дальнего угла. Гоготание смолкло, срезанное ледяным взглядом Гейра.

– Голубка в когтях Ворона, – подумал он с горечью. – И ключ к клетке.

Напротив, рядом с конунгом, восседала Илва. Ее серебристые косы сияли в полумраке, как иней на мертвых ветвях. Холодные глаза – зеркала Нифльхейма – скользнули по сыну. Уголки тонких губ дрогнули в подобии улыбки. Голос ее разрезал гул, чистый и острый, как кристалл льда:

– Сын мой исполнил Волю Богов. Принес Зарю. Свет, что разожжет темное пламя, которое освободит наш остров. Хвала его силе и преданности... народу.

Слова повисли в воздухе, обволакивая похвалой, холодной и неумолимой. Гейр почувствовал знакомый холодок по спине – предвестник бури. Мать хвалила. Это всегда означало, что он идеально вписался в ее узор.

Бьярни, сводный брат, сын Эйстейна и Илвы, отхлебнул меда из рога. Его лицо, обычно приветливое для выгоды, было темно от злости. Он поднял рог с грохотом, привлекая внимание.

– Птичка и правда редкой красоты, брат, – начал он, и сладость в голосе звенела фальшью.

– И живет, говорят, у тебя в доме? Странно. Напротив моей опочивальни – светлица. Сухая, теплая... Или боишься, что мы, простые воины, спугнем твою голубку?

Он окинул зал ищущим взглядом. Несколько голов согласно закивали.

– Поделись, брат. Или она не для наших глаз?

Гейр медленно повернул голову. Его взгляд был тяжел, как мельничный жернов, готовый вот-вот сорваться. Он всегда ждал подвоха от Бьярни, этого змеиноного отпрыска. Хочет ее. Хочет прикоснуться к свету, который ему не принадлежит.

– Тебе рабынь в наложницы мало, Бьярни? – устало, но резко оборвал его конунг Эйстейн. Лицо правителя было изборождено морщинами глубже фьордов, груз вины тяготил его.

– Оставь Гейра и его... добычу в покое. Дело не в красоте. Илва права.

Жрица плавно подняла руку, замораживая ропот. Ее голос снова прорезал тишину:

– Отец мудр. Дева или жертва – тело лишь сосуд, Бьярни. Важен ее свет. Чистый. Животворящий. Он – ключ к нашей клетке. А ключ должен храниться у того, кто умеет им пользоваться.

Ее взгляд, пронзительный и всезнающий, впился в Гейра.

– У Ворона. Он знает, что с ней делать. До ритуала.

Слова «сосуд», «ключ», «знает, что с ней делать» – вонзились в Гейра как острие гарпуна. Они упали на тлеющий уголь воспоминаний. Ярна у родника, ее дикий взгляд, запах полевых трав и чего-то неуловимо теплого, солнечного... Его пальцы сжали рукоять ножа так, что костяшки побелели. Он встал. Шум в зале стих. Его фигура в черной шерсти и стали бросала на пол длинную, неестественно черную и холодную тень.

– Последний раз, – его голос был низким, хриплым, отсекающим споры.

– Она – моя ноша. Моя вина. Моя добыча. До ритуала. Под моей крышей. Под моим взором. Потому что ее свет...

Он запнулся, не в силах выговорить «моя погибель» или «мой единственный шанс». Резко развернулся и вышел, оставив за спиной гробовую тишину, нарушаемую лишь треском дров и тяжелым вздохом Эйстейна.

Ледяной ветер впился в лицо иглами, но внутри Гейра бушевала буря сильнее. Он шел к своему дому, тяжело ступая по заиндеветшему насту. Картины пира – алчные глаза Бьярни, ледяная улыбка матери, надежда в глазах дяди – смешивались с видением Ярны в полумраке хижины: хрупкость плеч под грубой тканью, испуганные, но не сломленные глаза...

– Знает, что с ней делать...

Мысль о том, чтобы сломить это сопротивление, прижать к жесткому ложу, заставить принять его тяжесть, его проклятый холод, его неутолимую нужду в тепле, становилась навязчивой, пьянящей. Он почти чувствовал под пальцами ее кожу, слышал прерывистое дыхание... Он откроет дверь. И возьмет то, что принадлежит ему по праву сильного, проклятого и обреченного. До ритуала. До смерти.

В доме Гейра Ярна не спала. Грубое одеяло было слабой защитой от холода, сочившегося из самых стен, из земли, пропитанной страхом и тенью Ворона. Она лежала, впитывая глазами очертания потолка, искала путь к бегству в узорах древесных колец.

– Чур меня... Чур... – мысленно шептала она славянские обереги, но холод острова глушил их силу. Здесь властвовали иные боги. Или нечисть.

Шаги. Тяжелые, неровные. Дверь скрипнула, впустив волну ледяного воздуха, запах перебродившего меда и дикой, необузданной мужской силы. Гейр. Он вошел не как хозяин, а как раненый зверь, загнанный в ловушку собственного проклятия и хмеля. Ярна замерла, притворилась спящей, но вся напряглась до предела. Он не лег – рухнул на топчан всем весом. Доски взвыли. Тяжелое тело упало на нее, придавив бедром. Грубая рука в темноте нащупала ее руку, плечо, потянула к себе. Другая полезла под одеяло, сжав грудь через тонкую рубаху, пальцы грубо искали сосок сквозь ткань.

– Не тронь! – вырвалось у нее хрипло, раньше мысли. Она дернулась, пытаясь вывернуться, оттолкнуть эту гору плоти и стали. Но пьяная сила сделала его хватку нечеловеческой. Его запах – мед, пот, сталь – ударил в голову.

Гейр глухо застонал, горячее дыхание обожгло ее щеку. Рука скользнула вниз, по животу, цепко схватила за бедро, пытаясь раздвинуть ноги. Пальцы впились в мягкую плоть внутренней стороны бедра, тянули с животной настойчивостью.

– Ты... моя! – прохрипел он, голос хриплый от хмеля и неконтролируемого желания. – С родника... На корабле... Изнывал! – Слова сползли в бормотание. Рука упорно лезла под подол рубахи. – Хочу... и возьму! Сейчас... здесь!

Ярна извивалась, отбивалась кулаками, ногтями царапала его руку.

– Зачем?! – крикнула она, голос сорвался на визг отчаяния и ярости. – Отстань! Не смей! Я не вещь твоя! Чур меня, отпусти!

Она повторяла это, как заклинание против тьмы:

– Не надо! Не так! Отпусти!

Каждое слово – острый камень, брошенный в пьяное безумие. Ее сопротивление, яростное и отчаянное, казалось, на миг пронзило хмельную пелену. Он замер, тяжело дыша. Рука ослабила хватку на бедре. Голова его бессильно упала рядом с ее лицом.

– Утро... оно мудренее... Не уйдешь... Никуда не уйдешь, Ярна моя... – Молчи... Ярна... – прошипел он, и в голосе была не досада, а пьяная, всепоглощающая усталость. – Отпускаю... Сегодня... Хмель... чертов хмель... – Он с громким стоном перевернулся на спину, освобождая ее. Но прежде чем погрузиться в пучину сна, добавил:

Дыхание его стало хриплым и прерывистым. Пьяное забытие сомкнуло веки.

Ярна лежала неподвижно, дрожа мелкой дрожью, как в лихорадке. Его слова звенели в ушах ледяными колоколами. Холодный ужас сжимал горло. Она чувствовала на коже ожог его прикосновений, грубость рук, впившихся в ее тело. Вспоминала его пальцы, рвущиеся под рубаху, пьяное бормотание о желании. И обещание утра. Обещание продолжения.

В тусклом свете угасающих углей его лицо казалось высеченным из серого камня – сильное, жестокое, с глубоким шрамом через бровь, о происхождении которого она боялась думать, ее отметиной на щеке. Горло его было открыто. Беззащитно. Страх, кипевший в ней, внезапно кристаллизовался. Остро. Решительно. Беспощадно.

– Сейчас. Или никогда. Сейчас или утром... и дальше... до ритуала, до смерти.

Она медленно, с кошачьей осторожностью, отодвинула одеяло. Скользнула с ложа, босая, бесшумная. Оружие. Пальцы нащупали край дубового сундука у стены. Откинула тяжелую крышку. Сердце колотилось так, что заглушало все звуки. Внутри – грубые шкуры, одежда. И там, внизу, под плащом – холодное прикосновение металла. Короткий боевой кинжал, с роговой рукоятью. Ее пальцы сжали его. Знакомый, смертоносный вес. За плен. За страх. За отнятый дом. За эти руки. За обещание утра. За все.

Она вернулась к ложу. Гейр лежал на спине, горло – уязвимая мишень в лунном свете, пробивающимся сквозь щель в крыше. Подняла руку. Сердце гнало кровь в виски, рука дрожала, но не от страха. Только ярость. Чистая, сжигающая. Сила гнева и отчаяния, сжатая в кулак вокруг рукояти кинжала. Она занесла оружие. Острие нацелилось в яремную вену, где под кожей пульсировала жизнь. За все!

Бей!

Рука Гейра метнулась вверх со змеиной быстротой. Железные пальцы сомкнулись на ее запястье. Заряна вскрикнула от неожиданной боли. Кинжал со звоном упал на шкуры. В его глазах, внезапно открывшихся, не было ни сонливости, ни пьяного тумана. Только абсолютная, леденящая ясность хищника. Он дернул – Ярна с криком полетела вперед, перевернувшись через него. Он встал на колени, одним движением закинув ее на живот, прижав лицом к шкурам на топчане. Колено врезалось ей в поясницу, ладонь пригвоздила затылок. Вес его был невыносимо тяжелым.

– Ты думала, голубка, что запах убийства не разбудит Ворона? – Его голос был низким, хриплым, но каждое слово падало четко, как удар топора по плахе. Дыхание, пахнущее медом и холодной сталью, обожгло ее ухо. – Убить хозяина в его логове? Смело. Глупо.

– Убью! – выдохнула она, задыхаясь, ярость смешивалась со слезами бессилия. – Убью тебя! Или себя! Но не стану твоей игрушкой! Не дам! Не дождешься!

Он наклонился ниже. Губы почти коснулись уха. Шепот был страшнее крика, проникая прямо в мозг:

– И не надо. Умрешь. Скоро. Когда луна станет круглой, как серебряная гривна. Это твоя судьба, прими. Единственная причина, почему ты дышишь здесь, а не кормишь червей в земле своих предков.

Он отпустил ее так же внезапно, как схватил. Спустился с постели, поднял кинжал, взвел на ладони с видом знатока, затем швырнул в самый темный угол хижины. Без слов. Без взгляда. Просто ушел, оставив ее лежать на холодных шкурах, дрожащую от унижения, ледя-

нящего страха и невысказанного вопроса, застрявшего в горле комом льда. Умрешь... При луне... Сосуд... И где-то в глубине, под страхом, шевельнулось другое чувство – яростное, обжигающее обещание самой себе: не стану. Ни Сосудом. Ни жертвой. Ничьей.

Глава 7

Утро не наступило – оно пролезло в длинный дом, цепляясь копотью за балки, серое и безнадежное. Ярна сидела у очага, где тлели жалкие угольки, протянув руки к призраку тепла. Окоченели они не от внешней стужи, а от внутренней мерзлоты, что нарастала с каждым часом в этой ледяной могиле народа. Обещания Гейра – «защита», «ключ» – висели в дымном воздухе, зыбкой паутиной, которую вот-вот сдует дыхание Хель. Что с ней будет? Инструмент. Фитиль. Жертва.

Внезапность его появления была как удар кинжалом в спину. Не вошел – вплыл Бьярни. Как щука в мутную заводь, нарушив гнетущую тишину звоном дорогого оружия и тяжелым, слащавым облаком импортных бальзамов, смешанным с конюшной и чем-то нездоровым. Сводный брат Гейра был его изнанкой и вылитой копией Илвы. Где Гейр – угрюмая скала, закаленная бурями, Бьярни – отполированный кинжал в золоченых ножнах. Высокий, изящный, с лицом, высеченным тем же ледяным резцом: острые скулы, тонкие губы, готовые сложиться в нужную маску. Сегодня – маска сочувствия. Фальшивая. Его глаза, льдистые, как у матери, оценили Ярну холодным, бесстрастным взглядом охотника, взвешивающего добычу.

Одет он был не для битвы, а для тронного зала. Мягкая узорчатая шерсть, горностаевый мех, сверкающая медью безрукавка, плащ из темно-синего сукна – все кричало о богатстве и власти. На груди – массивная серебряная фибула в виде сплетенных змей. Красив. Как замерзший водопад. Смертельно холоден.

– Дева Солнечного Света... – Голос – шелк, подбитый сталью. – Гейр... очень занят. Матушка Илва прислала меня. Навестить нашу... драгоценную гостью. Он приблизился, позволив ей вдохнуть коктейль из бальзамов и подземного холода, исходящего от него – не пронзительного, как у Гейра, а сырого, гнилостного. Взгляд скользнул по ее поношенной одежде, по лицу с тенями бессонницы.

– Тяжелая ночь, голубка? – Прошептал он с наигранным сочувствием. – Как и у всех. На рассвете – ледяные пауки. С теленка. Чуть не выкосили причал. Гейр рубит, крошит... – Бьярни махнул рукой с массивным кольцом. – А остров умирает. Мороз жрет корни жизни. Скот гибнет. Люди... либо уходят, либо становятся частью стужи. Скоро останутся только драугры да тени.

Ярна молчала, ногти впиваясь в ладони. Ее глаза, горящие лихорадочным огнем на фоне бледности, буравили его нарядную фигуру.

– Конунг Эйстейн сломлен, – понизил голос Бьярни, но в шепоте не было тепла, только расчет. – Ворон его... Гейр... ищут спасения. Мы все ищем.

Шаг ближе. Тошнотворная волна его запаха.

– Илва... наша мудрая вельва... нашла путь. Древний ритуал. Запечатать дыру. Отогнать Хель. Но нужна... особая жертва. Чистая душа. С ярким светом жизни. Таким, как твой.

Он поймал ее взгляд. Ни капли жалости. Холодный, липкий интерес.

– В ночь полнолуния. Гейр... он должен выполнить обряд. Только его проклятая сила направит твой свет, как ключ. Единственный шанс.

Тишина. Гулкая. Тень осознания накрыла Ярну не холодом, а ледяным ужасом реальности. Жертва. Ритуал. Полнолуние. Ее свет. Его рука. Слова Бьярни звенели осколками льда в висках. Умрешь. Скоро. От его руки. Жизнь – разменная монета. Дар – фитиль для ее собственного погребального костра.

– Чтоб вам пусто было! – хриплый, незнакомый голос. – Лешие б вас побрали, морозные вымески! Жертва?! Я вам покажу жертву! Вам всем! И хевдингу вашему подлому, и его родственничкам змеиным! Особенно вам! – Плевок у самых начищенных сапог. Ярость. Белая, обжигающая. Как у волчицы в капкане. Она вскочила. Стул грохнул о стену.

– Ого. Какие страсти, голубка. И какая... неблагодарность. Бьярни не дрогнул. Тонкая бровь поползла вверх. На губах – та самая, выгодная улыбка, с каплей яда.

Шаг назад, презрительный взгляд.

– Думал, тебе здесь неуютно. Холодно. Не по-царски. Я мог бы... согреть. Одеть в шелка. Украсить. Зачем тебе этот угрюмый ворон? – Презрительно цыкнул. – Он наложниц не берет. Весь в проклятии, в долге. Драка, война, тени в глазах. Камень. Лед. Скучно. Холодно. А я... – расправил плечи, змеиная брошь сверкнула, – могу дать тепло. Защиту. Жизнь... подлиннее, чем та, что сулит ритуал.

– Тепло? От вас? – Голос дрожал, но не от страха. – Вы все здесь противны! Весь ваш остров смерти! Ваш род – змеиное гнездо! Вы – вылитая ваша мать! Холодная гадина! А он... – кивок в сторону, где бился Гейр, – он хоть не притворяется! Он и есть ворона черная! Угрюмый, нелюдимый – но честный в своем проклятии! А вы... гниль в золотой оправе! Ярна задыхалась – от ярости, от отвращения к этому нарядному гробу.

– Голубка, – прошипел он, в гладком голосе – впервые сталь. – Еще посмотрим, как запоешь... когда поймешь: бежать некуда. И твоя ворона... – кивок на дверь, – приведет тебя прямиком на камень. По своей воле. Ради долга. Помяни. Маска Бьярни треснула. Глаза блеснули острым, диким гневом. Оскал.

– Чтоб вам... пусто... – шепот сорвался, бессильный. Он резко развернулся, плащ взметнулся. Ушел. Оставил шлейф бальзамов и непрощенной угрозы. Вестник смерти удалился. Унижение и ярость остались с ней наедине со стенами.

Дверь скрипнула снова, прежде чем она успела перевести дух. На пороге – не Бьярни.

Тень. Холодная, плотная, как сама ночь Хель. Он стоял, не двигаясь, Гейр Вальхёрр. Его плащ был темнее мрака за спиной, на плечах – иней. Лицо – маска усталости и вечной зимы. В глазах, казалось, шевелились тени тех, кого его проклятая тень коснулась. Он не смотрел на нее. Смотрел сквозь нее, в пепелище очага, будто видел там что-то иное, страшное.

– Иди со мной, – голос его был низким, глухим, как скрип льда под тяжестью. Без эмоций. Приказ.

Ярна замерла. Приведет прямиком на камень. Слова Бьярни прожгли сознание. Она метнула взгляд на дверь, на окно, затянутое ледяным узором. Бежать? Куда? В этот ледяной ад? Но остаться – смерть. Ее свет, ее жизнь – лишь инструмент в их руках. Бежать. Мысль ударила, как молния. Умереть в лесу, но не на их камне. Выжить? Безумие. Но... уж не везде ее найдет ворон. Надо было выиграть время.

Она встала. Ноги дрожали, но подняла подбородок. Прошла мимо него, ощущая волну ледяного дыхания, исходящего от него – дыхания Нифльхейма, замороженного в плоть. Он не двинулся, пока она не вышла в серый, морозный свет дня. Потом его шаги заглушили ее собственные – тяжелые, мерные, как удары сердца обреченного. Он вел ее через поселение. Взгляды, полные страха и... надежды? К ней? К ее свету? К ее будущей жертве? Люди жались к стенам, избегая не ее, а тень херсира, оставляющую на земле инеистый след. Дети плакали, прижавшись к матерям. Скот в загонах стоял понурый, шерсть покрыта изморозью. Остров не умирал – он уже был мертвецом на последнем издыхании. И ее вели к той, кто, возможно, его убивала.

Дом Илвы стоял чуть в стороне, больше других, но не роскошный. Старый, из почерневшего дерева, с резными столбами, изъеденными временем и холодом. Он казался вросшим в землю, частью этого проклятого ландшафта. Гейр открыл тяжелую дверь, пропуская Ярну внутрь, но сам не вошел. Его тень легла на порог, как преграда.

– Жди, – бросил он ей в спину и отступил в серую мглу дня, растворившись, как призрак.

Внутри пахло сушеными травами, воском и... чем-то древним, пыльным, как кости земли. Тусклый свет проникал сквозь маленькое закопченное окошко. У очага, где тлели угли, сидела Илва.

Она не была похожа на мать Гейра и Бьярни. Она была похожа на олицетворение зимы, застывшее в человеческом облике. Высокая, прямая, как копье. Волосы – серебряный водопад, ниспадающий на темные, простые одежды. Лицо – безупречно холодное, с резкими чертами, что время лишь отточило, как ледник точит камень. Глаза... Глаза были самыми страшными. Бездонные, как трещины во льду озера, ведущие в никуда. В них не было ни тепла, ни гнева, ни даже любопытства. Только бездонная, мертвая наблюдательность.

– Садись, дитя света, – голос Илвы был удивительно мягким, мелодичным, как шелест замерзшей листвы. Но мягкость эта была обманчива, как тонкий лед над пучиной. Она не указала на место, просто констатировала факт, который не подлежал обсуждению.

Ярна села на краешек скамьи напротив, чувствуя, как морозный взгляд вельвы сканирует ее, оценивает, словно не живую девушку, а редкий минерал или компонент для зелья. Тишина тянулась, густая, давящая.

– Бьярни навелит тебя, – констатировала Илва. Не вопрос. Знание. – Он... пылок. Как юноша. Видит возможности там, где нужно видеть долг. Жертву. Она произнесла слово без тени сожаления, как лекарь говорит о неизбежной ампутации. – Но он не понимает тяжести ноши Гейра. Никто не понимает, кроме меня.

Илва подняла руку с длинными, бледными пальцами. На мгновение Ярне показалось, что от них исходит слабое сияние, голубоватое, как свет гниющего дерева. Но сияние погасло.

– Его проклятие... – голос Илвы стал тише, интимнее, но не теплее, – оно не с ним с детства. Оно... старше. Оно в нем с самого начала. Еще в моем чреве.

Ярна невольно затаила дыхание. Загадка. Странное поведение. Почему она говорит это ей?

– Его отец, Ульванг, – продолжила Илва, глядя не на Ярну, а в прошлое, сквозь стены дома, – был воином. Сильным. Но глупым. Как и все они. Поверил в честь, в клятвы. Погиб глупо, в стычке из-за стада. Оставил меня здесь. Пленницей.

Впервые в ее голосе, ровном, как ледяная гладь, появилась едва уловимая зазубрина. Не горечь. Ярость.

– На этом острове смерти. Среди чужих богов, чужих камней. С его ребенком под сердцем.

– Я была одна. Без защиты. Без права голоса. Женская доля, дитя. Она повернула голову, и ее ледяные глаза вонзились в Ярну.

Губы Илвы искривились в подобие улыбки, лишенной всякой теплоты.

– Моя доля была принять мужчину, которого выберут за меня. Ради защиты. Ради выживания рода. Такова воля богов? Такова воля мужчин.

Последнее слово было выдохнута с презрением.

– Эйстейн, брат Ульванга, был следующим конунгом. Добрый. Усталый. Слабее брата. Он взял меня. Ради ребенка. Ради острова.

Она пожала плечами, жест был неестественно легким, как падение снежинки. – Я приняла. Что еще оставалось? Плеть или пряник. Всегда одно и то же. Кровь на их руках, пепел – на наших очагах.

Но... Внутри Ярны что-то сжалось. В голосе Илвы, в этой показной покорности, сквозило нечто иное. Страшное. Как трещина во льду перед обвалом.

– Гейр родился под знаком ворона, – голос Илвы вновь стал гладким, скользким. – И холод уже был в нем. Я чувствовала его. Еще до рождения. Не просто холод севера. Холод иного. Холод Нифльхейма. Он впитывал его из страха этого острова, из отчаяния умирающих, из самой земли, что точил Нидхёгг. Проклятие... не на него упало. Оно выросло в нем. Из семени, посеянного здесь.

Она провела рукой по воздуху, словно очерчивая границы острова.

– Он не жертва, дитя света. Он... сосуд. Как и все мы. Сосуд для того, что сильнее нас.

Илва замолчала. Ее взгляд снова стал отстраненным, устремленным в какую-то внутреннюю бездну. Внезапно, ее губы, тонкие и бледные, дрогнули. Не в улыбку. В гримасу абсолютной, немой ненависти. Такой интенсивной, что Ярне показалось, воздух в хижине стал еще холоднее.

«...принять мужчину? Женская доля?» – эхо слов прозвучало в сознании Ярны, но теперь окрашенное ядовитой иронией, исходящей от самой Илвы. «Принять? Подчиниться? Этим жалким куском мяса, которые правят миром, ломая его в кровь и пепел?»

Мысли вельвы, казалось, вибрировали в воздухе, не произнесенные, но ощущаемые, как удар молнии перед грозой.

«Я приняла. Я выжила. Я смотрела, как их глупость и жадность роет им могилу. Как их "честь" превращает их в мясо для воронов. И я узрела...»

– ...истину, – прошептала она, но слово прозвучало как удар в барабан. – Хель не смерть. Хель – очищение. Вечный лед – не конец, а начало. Начало чистоты. Порядка. Где не будет этих жалких игр в богов и конунгов. Где не будет никого из них. Илва медленно подняла глаза. Они горели теперь. Не огнем. Ледяным синим пламенем абсолютной, безумной убежденности.

Она кивнула куда-то в сторону, за стены, где были мужчины.

– Нидхёгт проснется. И сдует этот гнилой мир, как пыль со скалы. И никто... – ее голос стал змеиным шепотом, полным непередаваемой силы и безумия, – никто-никтоне сможет это остановить. Истина – во льду. Истина – в конце. И она пришла.

Ярна почувствовала, как волосы встают дыбом на затылке. Это было страшнее любой угрозы Бьярни. Это был взгляд в бездну безумия и абсолютной власти. Мать Гейра... Лидер культа. Фанатик, мечтающий уничтожить мир. И она видела в своем сыне... сосуд? Для чего? Для дракона? Для Хель? И в ней, Ярне... ключ? К клетке? К ритуалу уничтожения?

Страх парализовал. Но следом, сквозь ледяную хватку ужаса, пробилась новая, отчаянная ярость. Не звериная, как с Бьярни. Холодная. Решительная. Бежать. Не просто от жертвенного камня. От этого. От этой женщины. От ее «истины». От всего этого проклятого острова.

– Гейр ждет тебя, дитя света. Иди. Твой свет... скоро понадобится. Для великого дела. Илва откинулась, и безумие в ее глазах мгновенно погасло, сменившись прежней ледяной вежливостью. Как будто ничего не произошло.

Ярна встала. Ноги не держали. Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Повернулась и вышла на морозный воздух, который после ледяного безумия в хижине показался почти теплым.

Гейр стоял там же, его тень длинной синей полосой ложилась на снег. Он молча двинулся к длинному дому. Ярна шла за ним, чувствуя его леденящее присутствие, но ее мысли лихорадочно работали.

Бежать. Сейчас. Пока он ведет ее обратно в клетку. Пока Илва не начала действовать. В лес. В тот жуткий, замерзший лес, кишачий тенями. Страх перед лесом был велик, но страх перед жертвенным камнем, перед безумием Илвы, перед тем, как ее свет используют для пробуждения дракона... этот страх был больше. Смерть в лесу была предпочтительнее участи ключа к апокалипсису.

Она огляделась краем глаза. Поселение за спиной – клетка. Длинный дом впереди – ловушка. Лес по правую руку – темный, манящий, полный ужаса... и возможности. Уж не везде ее найдет ворон. Особенно если она скроется. Надо было найти укрытие. Пещеру. Расселину. Любое место, где можно переждать погоню, собраться с силами.

Гейр шел впереди, его внимание привлек крик у ворот – еще один драугр, наверное. Он на мгновение замедлил шаг, повернув голову.

Сейчас.

Ярна не думала. Она рванулась в сторону, со всей силы оттолкнувшись от заиндепевшей земли. Мимо темного амбара, через заснеженный пустырь – к черной стене леса. Она слышала

за спиной резкий окрик Гейра, обернутый ледяным ветром. Слышала его тяжелые шаги, начавшие преследование. Но она уже нырнула под низкие, колючие ветви древних елей, в царство вечного сумрака и теней, где ее теплый свет был единственным маяком – и смертным приговором.

Она бежала. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди. Лес глотал ее. Холод пробирал до костей. Где-то позади, не слишком близко, но и не теряя ее, слышался хриплый каркающий крик. Ворон. Глаз Илвы. Глаз Гейра. Или самого острова.

Укройся. Пещера. Надо найти пещеру. Мысль билась в такт шагам. Свет ее дрожал, пробивая мрак, привлекая внимание всего, что скрывалось во тьме. Она мчалась вглубь, в самое сердце ледяного кошмара, где смерть могла прийти от тени, от холода, от чудовища... но где она была ее собственной смертью. Не их инструментом. Ее выбором. Выжить или умереть. Но свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.